

ОЕТ Людмила Зыкина.

Где?
На какой сцене?
В каком городе?
В Москве? В Нью-Йорке? В Париже?
В Токио?
Не важно!
Главное, что поет Зыкина — и мир слышит

ее задушевный голос, ее глубокую грусть, ее просветленную радость! Сажу, слушаю, гляжу, люблюсь. Есть что-то величавое, спокойное, уверенное, былинное в самом облике певицы, в ее улыбке, в поклоне, в манере держаться.

Какой уже раз слушаю, как поет Людмила Георгиевна: «Матушка, матушка, что во поле пыльно», — и замораю в удивлении, и подмечаю, что Зыкина не любит себя, не показывает голоса, вся она отдается песне и как истинный художник творит образ, перевоплощается в героиню песни. Вот взяла сильную ноту, вот с пения перешла на выкрик: «Матушка!». Зрительный зал вздрогнул, будто каждый поставил себя на место девушки, которую мать благословляет на самостоятельную жизнь в чужой семье. Веет стариной, историей, навсегда ушедшим из нашей жизни бытом, но мы — люди, и мы сострадаем далекой, безвестной крестьянской дочери, проникаемся человеческим сочувствием к ней. Драма, которую поведала нам Зыкина, потрясает, возвышает душу. Тысячи людей вздыхают, а Зыкина уже поет новое.

Как легкие, невесомые листья, падают в душу звуки, на этот раз элегически-спокойные, раздумчивые.

«Сронила колечко», — неслышно почти начинает певица. Само слово «сронила», как драгоценный камень, сверкнуло красотой своей и осветило музыку печальную, но не безвольную. Песня о любви. Вечно молода и бесконечна, как сама жизнь, эта тема. На ней можно проверить талант любого художника, будь он живописцем или поэтом, будь он певцом или романистом.

Посредственный талант впадает в сюсюканье, в излишний сантимент, в мелодраму. Зыкина поет о любви сдержанно, целомудренно, нигде не нажимает на чувства, не кричит о них, она доносит содержание песни в чистоте ее высокого духа, выражая русский характер таким, каким он запечатлен в народном творчестве.

И опять волнуется зал. Волнуется от разрядки душевной, от радости общения с талантом истинным, в котором говорит жизнь, ее глубокие печали и великие надежды.

Думаю о Зыкиной. В чем сила ее певческого дара? Зыкина — лирик. А лирика исповедальна. Нигде так ярко не проявилась исповедальность женской природы, как в лирической народной песне русской. Где человек исповедается, там и грустит. Наши выдающиеся творцы Пушкин, Мусоргский, Шляпин говорили о том, что исповедальная грусть русских песен — не жалобы расслабленной воли, а утверждение великого характера, духовной молодости народа.

Сколько силы и самообладания слышится хотя бы в песне о ямщике, который замерзал в степи. Песня эта — нестаряющий памятник силе и воле русского человека.

Миллионы людей любят Зыкину за выдающую лиричность, за певучесть и грусть, за тот душевный росток, который выходит из сердца и питается человеческой искренностью.

Зыкина менее самобытна и оригинальна, когда пытается петь героиню, хотя ее героиня глубже плакатности многих эстрадных певцов.

Уместно вспомнить свидетельство женщин — летчиц Таманского авиационного полка. После боевых вылетов, после выполнения самых смелых и рискованных заданий, в минуты отдыха отважные летчицы самозабвенно пели «Летят утки». В этой лирической жемчужине народной песни виделись им образ Родины, поля и перелески, оставленные семьи, раскрывалась красота жизни, ее единственная и неповторимая для каждого из живущих на земле ценность.

Главный инструмент певца — голос.

Мы не знаем ни одного музыкального инструмента, который мог бы поспорить с красотой и богатством человеческого голоса.

Какой голос у Зыкиной?

Говоря о Зыкиной, мы не можем не вспомнить любимых и популярных в свое время певцов русского жанра. Вспомним Ольгу Новалеву, которая одной из первых после Октябрья вернула народу песню в ее подлинном, неискаженном виде. Мягкий, застенчивый, женственный тембр голоса Ольги Новалевой волновал широкие массы людей.

Ковалева была песенной легендой народа, ее слушали, ей подражали, ее хотели видеть.

Вспомним озорной, знобящий, как ветер Волги, голос Руслановой, ее кокетливые, игривые ноты, редкостное мастерство Руслановой одним только словом «уморёнулася» создать образ героини в песне «Я на горну шла». Находились и такие «сильно ученые» музыковеды, которые говорили, что Русланова — «кабак», а народ — труженики полей, рабочие фабрик и заводов — слушал ее с восторгом, с нескрываемой радостью узнавал и гордо говорил: «Русланова поет».

Голос Зыкиной как бы соединяет в себе мягкость Новалевой и задорную удаль Руслановой.

Голос Зыкиной убедителен и в низких нотах, когда спокойно «садится на грудь», он красив и состоителен, когда мелодия, подобно жаворонку, взлетает в высоту. Верхние ноты в голосе Зыкиной имеют необычайно легкий полет, они как бы истанывают на лету.

Голос Зыкиной создан самой природой для русской песни.

Зыкина — это прежде всего русская песня.

Слушая Зыкину, я каждый раз вспоминаю: а где я еще слышал русскую песню? Похожа ли песня Зыкиной на то, что я уже где-то слышал? Не изменяет ли она русской песне? Не уходит ли в сторону? Такое бывает!

Для ответа на этот вопрос начну с того, что сам я воспитан на народной песне. В моей подмосковной деревне Язвицы любили люди петь. Свадьбы играют — поют, масленицу провожают — поют, хороводы в Троицын день водят — поют, в летних лугах Ивана Купалу празднуют — поют. Бывало, идут язвицкие бабы с лесных выпасов, коров подоили, день хороший, лица загорелые, силушка так и переливается в каждой.

— Соне! — скажут моей матери. — Запевай!

И затанет моя мать высоким переливчатым голосом любимую всеми. Мелодия этой песни была проста, нан

глоток воды, а в простой, незатейливой мелодии как разгуливались голоса, как вышивали они своими узорами песню, как воодушевлялись ее жизненным содержанием! А содержание-то было простое и понятное всем, и выражено оно было простыми словами:

Кругом, кругом осиротела,
Кругом осталась сиротой,
Мое-то счастье улетело,
И не воротится назад.

Когда цвет-роза расцветает,
То всяк старается сорвать,
Когда цвет-роза отцветает,
То всяк старается стоптать.

Бабы пропевали эти слова и начинали снова, они до того входили в роль, что некоторые плакали. Никто бы их не мог сейчас разнять, различить, так сдруживали их песня и пенье, едичное переживание, единый взгляд на жизнь. А по широкому огороженному прогону, где пели бабы, ехали мужики на возах с сеном. Пахло колесной мазью, пылью, поскрипывали под тяжелыми возами колеса, пофыривали, отмахиваясь от оводов, лошади, а где-то в высоте небесной нежно позванивал жаворонок.

Я слышал русскую песню в далекой Нюксенице на Сухоне-рене. Совсем как у Васнецова, сидела на камушке некая Аленушка около корзины выполосканного белья и, опустив ноги в прохладную струю речной воды, кому-то жаловалась песней:

Как на Сухоне камушка
Выстилают донышко,
Дроля высушил меня,
Как травку красно солнышко.

русская песня

СЛУШАЯ ЗЫКИНУ

Виктор БОКОВ

Напев был протяжен, последние такты его вологодская песенница тянула по-северному долго, а в этом-то долгом конце и завершалась вся сила и красота напева.

— На кого жалуешься? — спросил я у девушки.

— На себя, на свою дурость! — ответила девушка, подняла корзину на плечи и, поначиваясь, пошла по тропинке в свою деревню.

Я слушал русскую песню в далекие годы студенческие в рязанском селе Сапожок, где снимались «Бабы рязанские». Лето было засушливое, просо еле поднялось и вышло на корню, земля потрескалась, неурожай грозил всему народу, и, несмотря на это, молодежь выходила за околицу «страдать» в лебеду и чернобыл. Над горем земли, над неурожаем засушливого лета звенели девичьи голоса, разливались причудливые наигрыши гармонистов — народ пел!

Я слышал русскую песню от Аграфены Оленичевой, этого песенного самородка Сибири. Она сама складывала и слова, и мелодии.

На ее глубоко народном песенном творчестве вырос один из самых талантливых концертных коллективов страны — Омский русский народный хор. За исполнение только одной оленичевской песни «За воротами гуляла молода» солистке Омского хора Марии Селивановой присвоено звание заслуженной артистки республики.

Я слышал русскую песню на земле воронежской. В знаменитом песенном Кисляе, в избе Евдокии Климовны Степанюгиной. Глубокой осенью за три, за четыре километра шли к Степанюгиной воронежские колхозницы, чтобы попеть, поговорить о жизни своей.

Грязь, туман, ни зги не видно, чернозем липнет на ноги, а певицы идут, стучат в крыльцо, заходят в хату. Телогрейки — долой, сапоги — долой, на певицах пласть малявкинским огнем полыхают, на шею у каждой бусы трудную, преирасную, и в жизнь.

До утра в хате полыхал костер песенный, разливались то грусть, то удаль, пели люди, как единая творящая и исполняющая личность.

И вот — Зыкина! Не хор, не народ, а одна она, со своим голосом, со своим талантом. Взяла ли Людмила Георгиевна от тех певцов, о которых я вспоминал? Конечно, взяла! Ее исток здесь, песенный ее колодец у околицы, где не переводятся родниковая вода и свежесть, куда постоянно идут люди, чтобы черпать и пить.

Вот почему, слушая Зыкину, каждый рисует себе свою Россию, свою Родину.

Кому видится свежерубленая вологодская изба, наполненная щебетом молодых голосов, смехом веселых мастериц, под руками которых возникают кружева со сказочными чудо-птицами и чудо-цветами.

Кому видится степь оренбургская, а по ней когда-то Пушкин ехал, Александр свет Сергеевич, и, глядя на высокие перистые облака, слал в дорожной кибитке свои бессмертные строки, и отважно думал о Пугачеве, о крестьянском восстании.

Для кого от широкого зыкинского распева и бодрейшей целительной грусти разольется Волга где-нибудь под Саратовом, забасят шалыпинским басом пароходы и заиграют мускулы под спокойной рубашкой волгара, умеющего трудиться.

Да разве перечтешь Родину во всех ее подробностях, тем более, что каждый человек носит в себе свою Родину, свои три березки у крыльца или прядь ковыля придорожного, волнуемого легким дуновением ветра, призывный рожок пастуха на коровьем реву.

— А вы откуда? — спрашиваю соседку, сидящую рядом со мной на концерте.

Чуть испугалась, подумала: «Кто это осмелился потревожить меня в священную минуту общения с любимой певицей?» Но потом строгое лицо соседки потеплело, родная душа узнала родную душу, завязывается беседа-признание:

— С Дальнего Востока приехала, Зыкину слушать!

А он откуда пришел на концерт в этот великолепный, носящий имя великого Чайковского, концертный зал?

Спросить? Перебить?

Серьезный, бывалый, выдавший виды мужчина крупного роста сам забеспокоился, сам стал косить на меня глазами.

— Папаша, вы не с Кубани?

— Коренной москвич. Нижние Котлы слышал?

— Как не слышать!

— Вот я как родился там, так скрозь и жил. И революцию делал, и Советскую власть на ноги ставил.

Он замолк. Есть люди, за закрытыми устами которых можно читать романы, повести, поэмы.

Знала ли Зыкина, что в море людском, в волнах горячих, признательных рукоплесканий билась и эти пожилые рабочие ладони, и это успокоенное мудростью, но не остьвшее сердце?

Знала!

Каждый истинный талант по-моцартовски щедр и отзывчив к простым сердцам, а Зыкина это знает еще и потому, что ее музыкальность образовывалась смолоду на людях, в цехе токарном, где она имела разряд и работала как мастер, в госпиталях, куда ходила она без путевок филармонии, по велению сердца, чтобы помочь людям.

Кто может проследить мгновение, когда рождается талант? Кто может заметить, как распускается тугой бутон цветка, ослепляя мир безукоризненной чистотой? Великий Кольцов задел свои стихи под чумацкими возами в теплую южную ночь от избытка сил души и желания высказать свою любовь к жизни. Только потом мы узнали все это. Самое большое чудо было тогда, когда его душа стала раскрываться своей самобытностью и первородностью таланта.

Когда такое рождение случилось с Зыкиной? Может ли она ответить нам на это? Не просмотрела ли она свою первую песню, свой первый выход в люди?

У нас ведь все поют! Даже не обладающие слухом люди не прочь, находясь в компании, вставить свой поперечный голос в песенное застолье и даже выделиться не уметь, так стараемся!

Этот вопрос ждет ответа.

Я слышал Зыкину и в близком кругу среди домашних. Не проявлялась ли там какая-либо другая Зыкина? Нет! Она и дома, и на сцене, и где-нибудь на рыбалке под Москвою была все та же.

Лирическое ее дарование загоралось сразу, как сухой вереск. Ей не надо разбегаться, ей не надо большого поля для взлета, песенный порох Зыкиной всегда сухой и рвется в бой.

И тут приходят на память тургеневские певцы. Они были рождены для песни, они выражали свое физическое существование прежде всего пением и песней, желанием и умением вывести самые трудные, при этом самые красивые и осмысленные ноты. Такое умение крестьяне ставили вровень с тяжелым трудом.

Победно легко летит голос Зыкиной над концертным залом. Как хорошо ей поется! Вот райское житье! Вот наслаждение! А за этим райским житьем стоят ежедневный труд, совершенствование, накопление опыта.

Я присутствовал в радиостудии на улице Качалова, когда Зыкина записывала песню Алексея Экимяна «А любовь все жива».

Зыкина нервничала. Она была недовольна. Песня не получалась. В режиссерской будке находился композитор Экимян. Нервничал и он.

Дирижер Владимир Федосеев объявил перерыв.

Зыкина решительно выходила из студии.

— Не буду петь! — говорила мне она. — Это романс, Это не песня...

И снова оркестр на местах. И снова дирижерская палочка Федосеева. И снова поиски.

Вот Людмила Георгиевна подняла руку. Оркестр смолк.

— Владимир Иванович! Вы меня торопите и торопите, а мне хочется шире взять.

Попробовали.

— Еще шире!

Песня оживала, как та снегурочка, которую слепили из снега.

— Еще шире! — просила Зыкина, все более входя в образ песни.

Голос ее окреп, в нем появлялись какие-то новые, неведомые даже ей самой ноты. Оркестр повеселел. Федосеев заулыбался. Происходило то чудо, о котором я говорил, чудо рождения песни не в нотах, не у рояля, а в душе певицы.

— Вот видишь, получилось, — говорил Зыкиной дирижер.

Оркестранты приветствовали певицу, композитор бежал в студию сказать спасибо, а Зыкина стояла усталая и счастливая и просто душно шутила:

— Слава тебе господи! На сегодня отпелась!

Спусти несколько дней уже шли заявки со всех концов страны на песню «А любовь все жива».

Я сижу и слушаю Людмилу Зыкину и говорю про себя: — Не отпелась ты, Люд! Ты в самом зените своей славы и своих возможностей. Много, много тебе петь и свершать на избранном поприще, имя которому — Искусство!